

Методология и теория	3 <i>Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.</i> По ту сторону гомеостаза: историко-эволюционный подход к развитию сложных систем
	16 <i>Знаков В.В.</i> Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека
Возрастная и педагогическая психология	30 <i>Леонтьев Д.А., Сулимина О.В., Бастракова А.С.</i> Траектории личностного развития у подростков, воспитывающихся в семье, и подростков-сирот
Тематические сообщения	49 <i>Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш.</i> Влияние информационных технологий на трансформацию со- владающего поведения
	60 <i>Микадзе Ю.В., Скворцов А.А.</i> Содержание понятий «нейропсихологический фактор» и «син- дром» в контексте метода синдромного анализа А.Р. Лурии
	72 <i>Карпова Н.Л., Граник Г.Г., Кабардов М.К.</i> Исследования чтения и грамотности, выполненные в Психоло- гическом институте РАО за 100 лет
Дискуссии	83 <i>Фёдоров А.А.</i> Уловки интеллектуальной эквилибристики
Научные обзоры	94 <i>Шукина М.А.</i> Направления исследований саморазвития личности в современ- ной зарубежной психологии
Экспериментальные исследования	107 <i>Торина Н.А., Уточкин И.С.</i> Роль глобального и локального сходства признаков в задаче зрительного поиска
Методики	118 <i>Макогон И.К., Ениколопов С.Н.</i> Апробация методики измерения склонности к переживанию чувств вины и стыда (GASP)
За рубежом	126 <i>Дорфман Л.Я.</i> Теория креативности К. Мартиндейла
Наши юбиляры	135 К юбилею А.Н. Ждан 143 К 70-летию В.И. Слободчикова
Научная жизнь	150 XIX конференция Международной ассоциации игры 152 Шестая международная конференция по когнитивной науке 155 Обсуждение роли психологии в современном образовании 158 Конференция по проблеме улучшения межнациональных от- ношений 161 Конференция по психологии конфликта 164 XIX симпозиум «Психологические проблемы смысла жизни и акме» 167 Круглый стол по проблемам индивидуальных различий и ода- ренности 170 Календарь конференций 171 Е.А. Климов 174 Резюме на английском языке

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ МНОГОМЕРНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

В.В. ЗНАКОВ

Описаны теоретические основы психологии понимания многомерного мира. Обосновано, что мир человека состоит из трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Теоретические основания психологии понимания представлены как сочетание единого и разнообразного: проанализированы сходные признаки понимания фактов, событий, ситуаций в каждой реальности и их различие, психологическое своеобразие. Трём реальностям сопоставлены традиции психологических исследований, способы, основания и типы понимания.

Ключевые слова: парадигматический, нарративный, тезаурусный способы понимания, знание, мнение, смысл, опыт, интерпретация, постижение.

Мир человека представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотносена с людьми и является организованной иерархией различных способов человеческого существования (Рубинштейн, 1997). Иерархия способов существования предполагает их отнесенность к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. Современные ученые убеждены в многомерности и многослойности мира человека. В.А. Лекторский пишет, что «тот мир, в котором живет человек, оказывается не монолитным, а многослойным. Можно даже сказать, что это несколько миров: обычный “жизненный мир”, мир субъективных переживаний и мир, полагаемый специализированным размышлением: сначала самой философией, а затем наряду с ней научным знанием» (Лекторский, 2012, с. 7–8).

В психологических исследованиях многомерность мира проявляется даже тогда, когда мы изучаем конкретные феномены, такие как сознание. На это указывает Е.В. Субботский: «Итак, реальность сознания не гомогенна: она состо-

ит из нескольких типов реальностей, и в каждом из них – свой тип причинности, пространства и времени... И в каждом типе реальности мы встречаем разные виды объекта, пространства и времени, и каждый раз – иные понятия о том, что реально, а что – иллюзия» (Субботский, 2007, с. 4–5). Странник психосемантического конструктивизма В.Ф. Петренко также изучает сознание как многомерное (Петренко, 2010). В.Е. Ключко, анализируя онтогенетическое становление многомерного мира, отмечает, что в нем «сливаются субъективное и объективное, порождая психологическое пространство, которое так сложно определить и закрепить адекватным понятием, способным уловить состоявшийся взаимопереход противоположностей и порождение особого слоя, где сознание и бытие выступают в нерасторжимом единстве и не имеют однозначных причинно-следственных связей – бытие в такой же степени определяет сознание, как и наоборот» (Ключко, 2005, с. 139).

Моя точка зрения на структуру многомерного мира человека несколько отличается от позиций названных ученых. Она формировалась в процессе научного анализа отличительных признаков реальностей, в которых живет человек, – эмпирической,

Таблица

Понимание субъектом реальностей мира человека

Теоретические основания понимания	Три реальности мира человека		
	Эмпирическая	Социокультурная	Экзистенциальная
Традиция психологических исследований	Когнитивная	Герменевтическая	Экзистенциальная
Способ понимания мира	Парадигматический	Нарративный	Тезаурусный
Основания понимания	Знание и значение	Мнение и смысл	Переживание и опыт
Тип понимания	Понимание-знание	Понимание-интерпретация	Понимание-постижение

социокультурной, экзистенциальной (Знаков, 2012); традиций психологических исследований – когнитивной, герменевтической, экзистенциальной (Знаков, 2009); способов понимания субъектом мира – парадигматического, нарративного, тезаурусного (Знаков, 2010) – и его результатов – типов понимания-знания, понимания-интерпретации, понимания-постижения (Знаков, 2009).

Современные люди живут в многомерном мире, и это отражается не только на исследованиях понимания, но и на том, как мы определяем этот феномен. Понимание имеет большое значение на разных уровнях человеческого бытия. Под многомерностью мира я имею в виду то, что факты, события и ситуации окружающего нас природного и социального мира таковы, что их понимание не может всегда строиться на одинаковых психологических основаниях. В одних ситуациях оно основано главным образом на достоверных знаниях, в других – на интерпретациях, проявляющихся в мнениях разных людей; наконец, есть ситуации, которые психологу невозможно понять без вдумчивого анализа глубин бессознательного и экзистенциального опыта испытуемых. Тем не менее у понимания как общепсихологического феномена во всех трех реальностях есть два системообразующих признака. *Первая* психологическая особенность понимания заключается в том, что мы всегда выходим за непосредственные границы понимаемого (фактов, событий, ситуаций) и включаем его в какой-нибудь

более широкий контекст. *Второй* отличительный признак понимания заключается в том, что, для того чтобы что-либо понять, нам всегда нужно соотнести понимаемое с нашими представлениями о должном – принимаемыми социальными, групповыми, моральными нормами поведения. Только наличие в психике понимающего субъекта обоих компонентов дает ему возможность порождать смысл понимаемого. Именно такого «определения» понимания я буду придерживаться в этой статье.

Цель статьи – на основе результатов проводящихся мной в течение последних 30 лет психологических исследований (первая публикация вышла в журнале «Вопросы психологии» в 1984 г. – Знаков, 1984) описать целостную теоретическую систему признаков понимания, соответствующих каждой из трех реальностей мира человека. Главная задача статьи – представить теоретические основания понимания как сочетание единого и разнообразного: обосновать присутствие сходных признаков понимания фактов, событий, ситуаций в каждой реальности и проанализировать их различие, психологическое своеобразие. Кратко реальности и теоретические основания их понимания представлены в таблице.

ПОНИМАНИЕ ФАКТОВ ЭМПИРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Эмпирическая реальность воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную

проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений. В нашей жизни немало ситуаций взаимодействий людей с объективной и очевидной для всех реальностью. Знания о таких ситуациях (в том числе изучаемых психологами) могут быть только истинными или ложными. Например, если кто-то скажет, что расстояние от Саратова до Самары 5 тыс. км, то проверка ложности этого высказывания доступна каждому, кто знаком с системой измерения, в основании которой лежат метры и километры. Истинность или ложность высказываний в таких ситуациях проверяется эмпирически, путем их сопоставления с объективной действительностью. Применительно к подобным ситуациям (и только к таким) можно говорить об универсальности и общезначимости истины: расстояние длиной в 5 тыс. км одинаково на всех шести континентах. Понимание истинности высказываний не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта.

Когнитивная традиция психологических исследований. Когнитивные психологи обычно рассуждают парадигматически, они ссылаются на положение дел в объективном мире и претендуют на истинность получаемого в эксперименте знания. Когнитивный план изучения психической реальности характеризуется акцентом на познании и поведении человека, стремлением ученых парадигматическим способом объяснить общие закономерности психического развития, интересом скорее к фактам и правилам, чем к исключениям. Когнитивные исследования ориентированы на получение истинных знаний о том, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир. В соответствии с корреспондентной теорией истины истинным называется суждение о том, что действительно существует. Такое высказывание можно прове-

рить опытным путем, для чего существуют процедуры верификации (по К.Р. Попперу – фальсификации, т.е. потенциальной возможности опровержения суждения). Изучая эмпирическую реальность, когнитивные психологи получают знания о ней, которые с полным правом можно характеризовать как истинные или ложные. В частности, при исследовании интеллекта ответы испытуемых на вопросы методики Д. Векслера: «Кто написал “Илиаду”?» и «Назовите столицу Италии» – могут быть только истинными или ложными. Практически это означает приоритет утверждений, относящихся к фактам: если ученый ищет то, что существует, он открывает знания для себя так же, как геолог отыскивает новый минерал в горной породе. Такая научная позиция хорошо известна из экспериментов Ж. Пиаже по обнаружению ранее сокрытого, в которых ребенок находил или, наоборот, не обнаруживал конфету в закрытой коробочке.

Парадигматический способ понимания мира. В 1986 г. Дж.С. Брунер выделил два способа мышления и понимания испытуемыми мира – парадигматический и нарративный (Bruner, 1986). Приверженцы парадигматического логико-научного способа склонны искать доказательства истинности суждений как их соответствия эмпирическим фактам. Их аргументация приобретает убедительность с помощью строгих правил, определений и положений. Парадигматический метод доказательства требует объяснения, основанного на предсказуемости, проверяемости и воспроизводимости. Парадигматический способ рассуждений является научным методом использования логической аргументации, классификации и предсказания. «Хорошие» парадигматические объяснения – те, которые соответствуют последовательному и детальному анализу действительности (Adler, 2012). Однако сказанное выше не означает, что парадигматические рассуждения – это порождение исключи-

тельно логического мышления. Дж.С. Брунер подчеркивает очень важный момент: «Творческое применение парадигматического способа мышления обеспечивает построение хорошей теории, глубокий анализ, логическую достоверность, убедительную аргументацию и построение разумных гипотез. Однако парадигматическое “воображение” (или интуиция) не является тем же самым, что воображение писателя или поэта. Скорее это – способность увидеть возможные формальные связи прежде, чем человек будет в состоянии доказать их каким-то формальным способом» (Bruner, 1986, p. 12).

Такое интуитивное видение связей отражает потенциальную возможность познающего и понимающего мир субъекта реализовать в процессе перехода от содержания (значения) к смыслу (пониманию) не только осознаваемые логические компоненты рассуждений, но и неосознаваемые, уходящие корнями в мотивационно-потребностную сферу целого образования и смыслопорождения. Для психологии понимания принципиально важно, что парадигматический способ неразрывно связан с «когнитивным бессознательным» (Пиже, 1996). Психологу-исследователю эта связь напоминает о существовании целостного континуума способов понимания мира: от парадигматического к нарративному и затем к тезаурусному.

Особенно ясно континуум, неразрывная связь рационального и иррационального просматривается в когнитивно-опытной теории личности (CEST) С. Эпштейна (Epstein, 2003). Как и другие психологи, он выделяет два главных типа познавательных процессов: осуществляемых быстро при незначительном участии сознания и более рефлексивных, но протекающих медленнее. К.Е. Станович и Р.Ф. Уэст назвали их процессами «Системы 1» и «Системы 2» соответственно (Stanovich, West, 2000). Иначе говоря, согласно теориям двойственности процессов рассуждений (dual-process

theories of human thinking), у человека есть две отличные, но взаимодействующие друг с другом системы для обработки информации. Одна (Система 1) ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, в то время как другая (Система 2) основана на аналитической обработке. Обе системы могут время от времени функционировать параллельно. Однако, когда доступны познавательные ресурсы и активированы аналитические цели, Система 2 обычно доминирует и закрывает познающему субъекту вход в Систему 1 (Gervais, Norenzayan, 2012). В когнитивно-опытной теории влияние опытной системы на рациональную напоминает взаимодействие бессознательного и сознания в психоанализе, однако в CEST их взаимоотношения описываются в контексте, уже более согласующемся с современными данными эволюционизма и когнитивизма. С этой позиции можно объяснить и обратный процесс: как рациональная система может способствовать коррекции проблем, порожденных опытной системой.

В российской психологии Т.В. Корнилова применяет теорию С. Эпштейна и адаптирует его опросник, в частности, в исследованиях выраженности интуитивных и дискурсивных аналитических компонентов процесса порождения вербальных мыслительных прогнозов. Она с коллегами развивает идеи о двух познавательных стилях – рациональном, понимаемом как склонность субъекта принимать решения на основе тщательного обдумывания и развернутой ориентировки в ситуации, и интуитивном, интерпретируемом как готовность полагаться на интуицию при принятии решений и выборе действий (Корнилова, Степанова, Григоренко, 2006).

Основания понимания: знание и значение. Анализ знаний, необходимых для понимания, – распространенный методический прием в современных когнитивных науках. Когнитивная традиция психологического познания основана на приме-

нении таких методов, которые выявляют знания о закономерных, как правило, повторяющихся событиях и явлениях. Закономерности в когнитивной психологии нередко отражаются в моделях. При этом считается, что понимать факт, событие или явление — значит иметь его рабочую модель. В частности, П.Н. Джонсон-Лэйрд соотносит понимание с созданием мысленных моделей и полагает, что понять фрагменты каких-либо событий или ситуаций можно, только сформировав мысленное представление, являющееся моделью целого (Johnson-Laird, 1983). Еще раньше подобную точку зрения высказывал А.А. Брудный. Он рассматривал понимание как взаимодействие понимающего субъекта «с некоторым объектом, в результате которого воссоздается работающая модель этого объекта. Понять — значит собрать работающую модель» (Брудный, 1975, с. 115).

В современной методологии социогуманитарного познания заметное место занимает теория доменов социального знания, в которой выделяются три области — моральная, конвенциональная и персональная (Nucci, 1996; Smetana, 2006). На первый взгляд это может показаться парадоксальным, но по формальным признакам строения и функционирования в мышлении и общении для описания понимания фактов эмпирической реальности наиболее подходящим является моральный домен социального знания. Моральный домен очень напоминает понимание-знание. Он включает не только знание правил и норм того, чего не следует делать, но также идентификацию действий, относительно которых люди могут обладать личной свободой и контролем, как, например, в случае выбора, какую одежду надеть, чем заняться в свободное время, с кем дружить и т.п. (Там же). Моральные действия и знания о них понимаются как обязательные, формально-нормативные и потому положительно оцениваемые все-

ми членами общества вне зависимости от обстоятельств. Нормативная заданность базовых моральных норм, их общечеловеческая значимость — это проявление объективности существования морали. С этой точки зрения мораль, несомненно, так же объективна, как факты эмпирической реальности.

Кроме того, в отличие от нравственности конкретного человека, мораль как форма общественного сознания, включающая обобщенные представления о том, как можно и как нельзя вести себя в обществе, имеет для каждого человека значение, но не имеет личностного смысла. «Значение есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех людей*, причем эта система может иметь разную глубину, обобщенность, широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное ядро — определенный набор связей» (Лурия, 1979, с. 53). Именно поэтому психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается *одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл*. Это относится к понятиям пространства, времени, веса и др.

Тип понимания: понимание-знание. Такое понимание возникает у субъекта тогда, когда оно основано преимущественно на оценках истинности знаний, представленных в суждениях о фактах. Для психологов принципиальное значение имеют качественные характеристики, особенности знания, играющие ключевую роль в понимании фактов эмпирической реальности. В этом случае знание о реальности дает возможность понимающему субъекту *только отличать истинные высказывания от ложных*. Однако он не может ответить на более сложные вопросы, ответы на которые требуют рефлексии, обращения внутрь себя, соотнесения понимаемого с личностным знанием: *почему существует истинное и ложное и как можно отличить одно от дру-*

гого. Такое знание, адекватно отражающее эмпирическую реальность, но ничего не изменяющее в познающем ее субъекте и из которого он ничего не может извлечь для собственного преобразования, М. Фуко называл «познавательным» (Фуко, 2007). Он считал, что истинное знание недоступно такому субъекту. Истина не дается человеку простым актом познания: для ее достижения нельзя ограничиться гносеологическим анализом, необходимо учитывать и онтологию существования субъекта, его экзистенциальные изменения во времени. Иначе говоря, для этой цели субъект должен измениться, преобразоваться, стать отличным от самого себя. В результате он становится способным получать другое знание, основанное на глубинных взаимосвязях познающего и познаваемого. В них проявляются духовные усилия субъекта, направленные не только на достижение истины, но и на преобразование себя. Такое знание М. Фуко называет «духовным» (Там же), подробнее я его опишу в разделе об экзистенциальной реальности.

Таким образом, понимание-знание основано на «познавательном» знании, одинаковом для всех людей значении высказываний. Именно поэтому оно не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта. И в этом — залог взаимопонимания при обсуждении очевидных, легко проверяемых фактов. Вместе с тем психологам следует ясно осознавать, что далеко не во всех ситуациях человеческого бытия, которые оказываются предметами психологических исследований, люди делают истинные или ложные утверждения. Более того, можно утверждать, что подавляющее большинство проблем и целых предметных областей психологии невозможно понять по типу понимания-знания. Это относится к социальным представлениям, стрессу, совести, оптимизму и многому другому.

ПОНИМАНИЕ СОБЫТИЙ И СИТУАЦИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержаний индивидуального и группового сознания. Такая реальность дискурсивна в широком смысле понятия «дискурс». В человеческой коммуникации дискурс не сводится только к текстуальному содержанию того, что говорится и пишется, или к вербальной стороне общения: он включает экстралингвистические, прагматические, социокультурные компоненты. Из дискурсивности социокультурной реальности следует, что она интересна субъектно. На постнеклассическом этапе развития методологии научного познания одним из главных критериев объективности знания стала его интересность. Она основана на согласованном мнении ученых о том, какие утверждения следует считать научными, рациональными, а какие нет. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, не сводимые к одному единственно возможному смыслу. Знания о событиях и ситуациях социокультурной реальности основаны преимущественно не на наблюдении, а на интерпретации. Иначе говоря, в такой перспективе знания возникают не в результате предвосхищения, контроля и сопоставления явлений и событий, а вследствие интерпретации и идентификации их значений и смыслов для наблюдающих их людей. Соответственно главный постулат научного анализа социокультурной реальности звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло», — всегда существует несколько альтернатив возможного развития событий.

Герменевтическая традиция психологических исследований. Ключевой для нее является интерпретация — непреходящий атрибут социокультурной реальности и

ведущий метод исследования в гуманитарных науках, в частности в герменевтической традиции научного анализа знания. Интерпретация — это такая работа мышления, которая состоит в расшифровке смыслов, скрытых в культуре. Расшифровать смысл — значит за буквальным значением слов увидеть все богатство возможных смыслов. Интерпретировать — значит идти от явного смысла к смыслу скрытому. Работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел: он состоит в том, чтобы преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста. Читатель должен как бы поставить текст на один уровень с собой, включить смысл этого текста в свое понимание (Рикёр, 1995).

В психологии есть немало исследований, выполненных в рамках герменевтической традиции. Например, типичными являются публикации В.А. Лабунской, посвященные интерпретации невербальных признаков поведения (Лабунская, 2009), интересный анализ А.А. Пузырея работы Л.С. Выготского о Гамлете (Пузырей, 2005), исследования зависимой и независимой самоинтерпретации (Singelis, 1994) и др.

Нарративный способ понимания мира. Нарративный принцип (Сарбин, 2004) выражает способность и склонность субъекта упорядочивать, казалось бы, случайные факты и явления в непротиворечивую последовательность событий. Последовательность представляет собой связную и законченную историю. История описывается с начала до конца и отвечает на вопросы «что произошло?» и «как все это было?». Для психолога нарративный принцип характеризует не столько событийную структуру того, о чем человек рассказывает, сколько тип интерпретации. Это один из возможных способов организации фрагмента мира субъектом, проявляющийся в том, что он видит и как излагает историю. Кратко перечислю основные признаки нарративного понимания.

1. Нарративное понимание основано на убеждении субъекта в том, что любую ситуацию человеческого бытия можно *интерпретировать многими способами*. Это следствие обоснованного сомнения в существовании «объективных», не зависящих от точки зрения рассказчика историй, происходящих с людьми. Вера в то, что существует некая реальная история, только ждущая своего раскрытия до нарративного процесса, является не чем иным, как онтологическим заблуждением, потому что рассказ о событиях человеческого бытия уже с начала повествования начинает изменять сам ход жизни субъекта.

2. При нарративном понимании субъект сознательно и целенаправленно старается структурировать события таким образом, чтобы в повествовании присутствовали *смысл* движения (связанность или последовательность) и *цель*, или ценностный конечный результат. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна представлять события в такой последовательности, чтобы достижение цели было более или менее *правдоподобным*. Описание событий безотносительно к цели рассказа не создает ни у рассказчика, ни у слушателя чувства адекватности повествования. Главная задача повествователя — развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, т.е. постоянно иметь в виду цель рассказа.

3. Нарративное понимание *диалогично*, оно всегда предполагает наличие понимающего субъекта: такие термины, как «рассказчик» и «слушатели», создают ложную картину разделения на активного повествователя истории и пассивную группу реципиентов. В действительности слушатели всегда в каком-то смысле являются соавторами (Coates, 2001).

4. Нарративная *сложность* понимания проявляется во включении людьми в свои жизненные истории более разнообразных типов сюжетов. Известно, что «люди, находящиеся на относительно высоких стадиях

развития Эго, приобретают более индивидуальный и нюансированный взгляд на собственный опыт, в то время как люди со слабым уровнем развития Эго видят свой опыт более “черно-белым”, в более конформистских терминах» (Макадамс, 2008, с. 153). Субъекты, обладающие высоким уровнем развития Эго, в отличие от субъектов с низким, чаще осознают и вербализуют негативные события своей жизни. Для них рассказ о сложных жизненных обстоятельствах — это одновременно и повествование о произошедших положительных личностных изменениях (Helson, Roberts, 1994).

Итак, нарративное понимание целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно, диалогически направленно. Такое понимание, хотя и основано на осознании субъектом множества альтернатив, проявляется в стремлении человека придерживаться какой-то одной версии описания событий, соответствующей индивидуальному способу смыслового структурирования понимаемого. Личностный смысл описания, повествования, рассказа не только сужает коридор возможностей, ограничивает их число, но и создает переход от прошлого к настоящему и будущему.

Основания понимания: мнение и смысл.

В социокультурной реальности психологи имеют дело не с достоверными знаниями, а с *мнениями* людей. Мнение представляет собой «такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному» (Нехаев, 2009, с. 16). Мнения отражают межгрупповую согласованность суждений о правильности или неправильности дискурсивных высказываний. Мнения невозможно оценить как безусловно истинные или ложные: как определить, чьи картины прекраснее — Тициана или Микельанджело, а также какой порок отвратительнее — жестокость или гордыня? Например, многие западные политики называют присоединение Крыма к Рос-

сии аннексией, в то время как российские говорят о восстановлении исторической справедливости и воссоединении братских народов. Ни одно из этих мнений невозможно признать однозначно истинным или ложным, потому что они построены на разных системах аргументации. В таких случаях суждения являются мнениями, в которых присутствуют и объективные, и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как *правильные* или *неправильные*. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и нормах поведения. Представления о должном, лежащие в основе признания высказываний, текстов правильными или нет, формируются на основе соглашений, принимаемых большими и малыми социальными группами. Мнения имеют мало общего с истиной: в соответствии с неодинаковыми ценностными представлениями люди выражают в них свое отношение к объектам познания и понимания. А познавательное и эмоциональное отношение к содержанию понимаемого (к примеру, к ситуации, описанной в рассказе А.П. Чехова «Злоумышленник») это не что иное, как смысл. Смыслы — главные системообразующие признаки социокультурной реальности, отсутствующие в эмпирической. Современные психологические исследования (Зинченко, 1991; Харре, 2009; Gergen, 1985) позволяют утверждать, что осмысленное знание — порождение не только индивидуального сознания, но и коллективного разума. Соответственно смысл — атрибут психики конкретного субъекта, но вместе с тем он есть продукт меж- и надындивидных или трансперсональных отношений. Устремленность субъекта (особенно группового) и объекта навстречу друг другу образует между ними такое чувственное и интеллектуальное единство, которое дает основание говорить о конвенциональном пространстве коллективного осмысленного знания.

Неудивительно, что для описания событий и ситуаций социокультурной реальности наиболее подходящим является конвенциональный домен социального знания (Nucci, 1996; Smetana, 2006). Он явным образом соотносится с герменевтической традицией и пониманием-интерпретацией проблем, методов и результатов научных исследований. Конвенциональные знания возникают в результате согласования множества мнений. Признаваемая многими людьми правильность/неправильность мнений оказывается зависимой от местных норм, обычаев и конкретных обстоятельств. Примером может служить правостороннее или левостороннее движение на дороге, принятое в разных странах.

Тип понимания: понимание-интерпретация. Анализ понимания как интерпретирующей деятельности — это тенденция, проявляющаяся не только в психологии, но и в других науках (Демьянков, 1983). Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. *Интерпретации* — это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Интерпретация субъектом ситуации основана не столько на установленных эмпирических фактах, сколько на личностном знании о мире. Интерпретация — это репрезентация не всей ситуации (это невозможно), а только одной из точек зрения на нее, которая, по мнению субъекта, является правильной и оптимальной для понимания. Иначе говоря, интерпретация социальной реальности основана не только на эмпирических фактах, но и на применяемых знаниях, нормах и представлениях о правильном описании действительности. Следовательно, интерпретация неразрывно связана с индивидуальными способами конструирования мира: она направлена

на акцентирование внимания партнеров по общению на таких деталях ситуации, которые кажутся ценными и значимыми субъекту, но могут быть не замечены собеседниками. Сам субъект, познающий и понимающий мир, является не бесстрастным фиксатором «объективной» действительности; он выступает в роли посредника, герменевта, толкователя ситуации для других людей. С психологической точки зрения, интерпретация, в частности, художественного текста представляет собой своеобразное взаимодействие двух миров: внутреннего мира литературного произведения и мира читателя. Это означает, что понимание-интерпретация строится на основе взаимодействия интерпретации понимающим субъектом событий и ситуаций и его самоинтерпретации.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕЕ ПОНИМАНИЕ

Экзистенциальная реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. В опыте и через опыт человек понимает все, что связывает его с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Такой опыт является важной составляющей экзистенциального интеллекта, который известный американский психолог Г. Гарднер называет «интеллектом больших вопросов» (Gardner, 2004). Этот

вид интеллекта проявляется в способности человека размышлять о фундаментальных проблемах бытия — о жизни, смерти, о существовании в целом (Gardner, 1998).

Экзистенциальная традиция психологических исследований характеризуется ориентацией не столько на достоверные знания, сколько на субъективные убеждения и плохо осознаваемые ощущения и чувства, например, уверенность в своей правоте. Ключевым для этой традиции является психологический анализ критических ситуаций человеческого бытия (они отличаются внезапностью, непредсказуемостью, стойкими аффективными реакциями). Типичными для экзистенциальной традиции являются исследования понимания моральной допустимости аборт, террористической угрозы, эвтаназии.

Тезаурусный способ понимания мира.

На рубеже веков методология науки содержательно обогатилась тезаурусной парадигмой субъектной организации гуманитарного знания (Луков, Луков, 2008). Тезаурусная парадигма определяет иной, отличный от нарративного, способ понимания субъектом мира. Отличие тезаурусного принципа построения знания от нарративного заключается в том, что «если нарратив описывает историю жизни, то тезаурус — ее картину» (Эпштейн, 2007, с. 49). Тезаурусы представляют собой субъективно организованное гуманитарное знание. В тезаурусе субъекта представлено человеческое бытие, освоенное, осмысленное им. Следовательно, не все знание о социальной и природной действительности, а только *понятое*, освоенное человеком. В частности, в индивидуальном тезаурусе культуры отражена не вся культура, а только та ее часть, которая усвоена, осмыслена, понята субъектом. В тезаурус не входит то, что объективно не может быть понято. Например, я не могу понять текст на фарси, потому что не знаю этого языка. Другая причина — нежелание или субъективная незначимость: вряд ли в обозримом

будущем я решу, что изучение фарси для меня жизненно важно. Тезаурусные словари, в отличие от энциклопедических, описывают понятия не в алфавитном порядке, а на основе семантических, смысловых, ассоциативных и других связей. Такая же структура у индивидуальных тезаурусов, на основе которых мы понимаем мир. При тезаурусном понимании субъект отвечает себе на вопросы, отличные от вопросов при нарративном способе понимания: они направлены не столько на выяснение того, что произошло и как именно это происходило, сколько на то, что это значило для понимающего, какие субъективные смыслы и ценности актуализовались.

Перечислю основные признаки тезаурусного понимания.

1. Избирательная активность: прежде всего актуализуется освоенное, уже понятое. И только потом субъект обращает внимание на новое в разговоре, тексте, событии, ситуации. Иначе говоря, при тезаурусном понимании сначала актуализуется то, что уже было предметом осмысления и понимания, то, что имеет для субъекта определенную ценность. Затем внимание переключается на новое, то, что еще только нужно осмыслить и понять.

2. В тезаурусе принцип организации знаний — не упорядоченный алфавитный, а тематический и потому, на первый взгляд, хаотичный. Например, у актрисы А. Демидовой, судя по ее глубоким и интересным воспоминаниям и размышлениям, типично тезаурусный тип мышления и способ понимания мира. Она пишет: «У меня в записной книжке никто никогда не записан на ту букву, на которую нужно, — я записываю имена или фамилии чисто ассоциативно, а потом долго не могу найти нужный мне телефон. Учитель по вождению у меня значился на “П” — я его записала как “Прохиндея”» (Демидова, 2010, с. 48).

3. В построении тезауруса большую роль играют *ассоциации*. «Тогда я подумала, что память моя — ассоциативная. Как

в вязании — одну петельку вытянешь, за ней потянется другая, может быть, даже другого цвета... И из этой мозаики памяти сложатся портреты людей, ведь я буду вспоминать не только себя» (Там же, с. 5).

4. В тезаурусном понимании событий нередко ведущую роль начинают играть эмоциональные переживания понимающего субъекта, возникшие у него в результате соотнесения содержания понимаемого с прошлым экзистенциальным опытом. Например, увидев, что у героя кинофильма тяжело заболела мать, зритель может актуализовать переживания, связанные с болезнью своей матери. В результате понимание событийной канвы фильма оказывается «ушедшим» в далекое прошлое и очень отличным от понимания человека, сидящего в соседнем кресле.

5. Тезаурусное понимание проявляется в склонности субъекта не к последовательному воспроизведению событий так, как они происходили, а к актуализации хотя и целостной, но мозаичной, «импрессионистической» картины, состоящей из фрагментов. В тезаурусе тесно переплетаются и даже наслаиваются друг на друга прошлое, настоящее и будущее.

Таким образом, результатом тезаурусного понимания оказывается картина понимаемого, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях. Такое понимание фрагментарно, мозаично, непоследовательно и нередко логически противоречиво.

Основания понимания: переживание и опыт. Анализируя экзистенциальную реальность мира человека, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания психологических проблем по типу понимания-знания. Например, травматический опыт нельзя понять на основе познавательного знания, его можно только пережить и преодолеть. Психологические проблемы, возникающие у людей в экзистенциальной реальности, отражаются в их внутреннем мире:

они проявляются в эмоциях, чувствах и переживаниях, которые трудно поддаются осознанию. Для понимания и решения проблем субъект вынужден обратить свой взор внутрь себя, прибегнуть к рефлексии и самопониманию. С одной стороны, это согласуется с известной точкой зрения, что любое понимание одновременно является и самопониманием. С другой стороны, между рефлексией и переживанием есть противоречие в ясности осознания их субъектом: первая преимущественно осознаваема, а второе — нет. Однако в современной психологии уже существуют конструктивные попытки устранения противоречия между осознанностью рефлексии и личностным не всегда осознаваемым характером переживаний. Одна из них предпринята А.О. Прохоровым при анализе смысловых оснований рефлексивного слоя психических состояний. Оказывается, что противоречие в осознанности/неосознанности можно преодолеть, если анализировать рефлексии, смыслы и переживания в едином континууме семантического пространства психических состояний (Прохоров, 2006).

В экзистенциальной реальности переживание и рефлексия образуют такой сплав, из которого рождается опыт человека. В истории психологии сначала произошел *сдвиг от когнитивизма* с его идеей истинности знания к *конструктивистской психологии*, представители которой фактически отказались от истинности и провозгласили доминирующую роль языка — не только описывающего мир, но и определяющего познавательные схемы субъекта. Поскольку языковые конструкции всегда многозначны, вряд ли уместно говорить об истинности выраженных языковым способом теорий (Gergen, 1985). Сейчас мы становимся свидетелями и участниками следующего шага в развитии методологии социогуманитарных наук, в том числе психологии: происходит *сдвиг от языка к опыту*. С позиций психологии понима-

ния, ключевую роль в понимании многих событий и ситуаций играет *экзистенциальный* опыт понимающего субъекта. В современной психологической литературе представлено *шесть* основных составляющих экзистенциального опыта, которые находятся в фокусе внимания ученых. Это его трехкомпонентная структура, метасистемная организация, переживание как субъективная ценность, свое и чужое в опыте человека, понимание-постижение и непостижимое, а также тайна как атрибут опыта.

Основания понимания — переживание и опыт — интегрируются, теоретически объединяются во введенном и проанализированном М. Фуко понятии и, соответственно, феномене «духовного знания» (Фуко, 2007). Именно с помощью такого знания наиболее точно можно характеризовать процесс понимания в экзистенциальной реальности. М. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, без постижения себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, возможно получение только познавательного (когнитивного) знания. Познанию внешнего мира теоретически противостоит духовное знание, которое является пониманием человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для его возникновения, это изменение, перемещение взгляда: на мир и на себя. Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и одновременно оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способным «уловить себя самого в своей реальности», увидеть себя как он есть на самом деле. Духовное знание — атрибут не познания, а бытия человека в мире: «субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен» (Там же, с. 335).

Тип понимания: понимание-постижение. В экзистенциальной реальности понимание неизбежно включает в себя постижение. В социокультурном контексте постижение рассматривается учеными как культурно-историческое получение знания, в котором различные типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, научное и др.) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры (Хмелевская, Яблокова, 2013).

В психологии постижение трактуется в более узком значении. Постижение представляет собой такой тип понимания, который, во-первых, направлен не на простое, а на *сложное*: явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий, проникновения в их наиболее существенные свойства. В современном дискурсе употребление прилагательного «постижимый» возможно только тогда, когда речь идет о глубоком понимании сути, существа дела. Понимать можно и простое и сложное, а постигать — только сложное. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти «апокалиптическим» событием стала неоднократно повторявшаяся по телевизору картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов. Во-вторых, постижение — это такое *схватывание* целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не сможет знать о всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе, а мэр мегаполиса — о состоянии абсолютно всех коммуникаций в городе. Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. Понимание в таких случаях осуществляется по типу понимания-постижения.

В психологической науке уже есть немало исследований, в результате которых у ученых возникает такой тип понимания. К ним относятся анализ когнитивного и аффективного бессознательного при понимании чужого человека как врага, исследования принятия или отвержения моральной допустимости аборт, эвтаназии, осознания и переживания терактов и т.п.

Итак, современный человек живет в многомерном мире, состоящем, по крайней мере, из трех реальностей. В каждой из них психологи изучают понимание людьми фактов, событий, ситуаций с позиций различных традиций психологических исследований, в рамках которых понимающий субъект использует неодинаковые способы, основания и типы понимания. Аналитическая дизъюнктивность представленных в статье теоретических оснований психологии понимания многомерного мира, конечно же, не означает невозможности исследования всего континуума проявлений этого феномена в человеческом бытии — от полностью осознанного вербализуемого до бессознательного интуитивного. Для этой цели перспективным является применение идей когнитивно-опытной теории личности, а также категорий познавательного и духовного знания.

1. Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // *Вопр. филос.* 1975. № 10. С. 109–117.
2. Демидова А. Заполняя паузу. М.: АСТ, 2010.
3. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // *Вопр. языкознания.* 1983. № 6. С. 58–67.
4. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // *Вопр. психол.* 1991. № 2. С. 15–36.
5. Знаков В.В. Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2012. № 3. С. 18–29.
6. Знаков В.В. Основные условия межличностного понимания в совместной деятельности // *Вопр. психол.* 1984. № 1. С. 138–141.
7. Знаков В.В. Тезаурусное и нарративное понимание событий как проблема психологии человеческого бытия // *Методология и история психологии.* 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 105–119.
8. Знаков В.В. Три традиции психологических исследований — три типа понимания // *Вопр. психол.* 2009. № 4. С. 14–23.
9. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский гос. ун-т, 2005.
10. Корнилова Т.В., Степаносова О.В., Григоренко Е.Л. Интуиция и рациональность в уровне регуляции вербальных прогнозов при принятии решений // *Вопр. психол.* 2006. № 2. С. 126–137.
11. Лабунская В.А. Интерпретация невербального поведения как социальная способность // *Познание в структуре общения / Под ред. В.А. Барабанщикова, Е.С. Самойленко.* М.: ИП РАН, 2009. С. 203–210.
12. Лекторский В.А. *Философия, познание, культура.* М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
13. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.
14. Лурия А.Р. *Язык и сознание.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
15. Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // *Методология и история психологии.* 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 135–166.
16. Нехаев А.В. Мнение как познавательная форма: логико-семиотический анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2009.
17. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психо-семантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
18. Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // *Вопр. психол.* 1996. № 6. С. 125–131.
19. Прохоров А.О. Рефлексивный слой психического состояния // *Мир психологии.* 2006. № 2. С. 38–49.
20. Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
21. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
22. Рубинштейн С.Л. *Человек и мир.* М.: Наука, 1997.
23. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // *Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода.* 2004. № 1. С. 6–28.
24. Субботский Е.В. *Строящееся сознание.* М.: Смысл, 2007.

25. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
26. Харре Р. Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 64–78.
27. Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Система форм постижения бытия в контексте современной культуры // Вестн. МГОУ. Сер. «Философские науки». 2013. № 2. С. 74–78.
28. Эпштейн М.Н. Жизнь как тезаурус // Постнеклассическая психология. 2007. № 4. С. 47–56.
29. Adler J.M. Sitting at the nexus of epistemological traditions: Narrative psychological perspectives on self-knowledge // Vazire S., Wilson T.D. (eds). Handbook of self-knowledge. N.Y.; L.: The Guilford Press, 2012. P. 327–342.
30. Bruner J. Two modes of thought // Bruner J. Actual minds, possible worlds. L.: Harvard Univ. Press, 1986. P. 11–43.
31. Coates J. «My mind is with you»: Story sequences in the talk of male friends // Narrative Inquiry. 2001. V. 11. N 1. P. 81–101.
32. Epstein S. Cognitive-experiential self-theory of personality // Weiner I.B. (ed.). Handbook of psychology. V. 5: Personality and social psychology. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc. 2003. P. 159–184.
33. Gardner H. Are there additional intelligences? The case for naturalist, spiritual, and existential intelligences // Kane J. (ed.). Education, information, and transformation. Upper Saddle River, NJ: Merrill-Prentice Hall, 1998. P. 111–131.
34. Gardner H. A multiplicity of intelligences: In tribute to professor Luigi Vignolo. 2004. URL: <http://www.howardgardner.com/Papers/documents/T-101%20A%20Multiplicity%20REVISED.pdf> (дата обращения: 23.03.2014).
35. Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // Amer. Psychol. 1985. N 40. P. 266–275.
36. Gervais W.M., Norenzayan A. Analytic thinking promotes religious disbelief // Science. 2012. V. 336. N 27. P. 493–496.
37. Helson R., Roberts B.W. Ego development and personality change in adulthood // J. Pers. and Soc. Psychol. 1994. V. 66. N 5. P. 911–920.
38. Johnson-Laird P.N. Mental models – towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1983.
39. Nucci L. Morality and the personal sphere of actions // Reed E., Turiel E., Brown T. (eds). Values and knowledge. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996. P. 41–60.
40. Singelis Th.M. The measurement of independent and interdependent self-construals // Person. and Soc. Psychol. Bull. 1994. V. 20. N 5. P. 580–591.
41. Smetana J. Social-cognitive domain theory: Consistencies and variations in children's moral and social judgments // Killen M., Smetana J.G. (eds). Handbook of moral development. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2006. P. 119–154.
42. Stanovich K.E., West R.F. Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // Behav. and Brain Sci. 2000. V. 22. N 5. P. 645–726.

Поступила в редакцию 23. VI 2014 г.

SUMMARIES

The other side of homeostasis: A historical evolutionary approach to development of complex systems*A.G. Asmolov, E.D. Shekhter, A.M. Chernorizov*

From the angle of a historical evolutionary approach to development of complex systems the paper discusses possible consequences of reducing evolution to adaptation based on homeostasis, as well as those of reducing factors of evolution to moving and stabilizing selection. The authors argue evolutionary value of the “potential psyche” (A.N. Severtsov) as pre-adaptation to the future in the process of development of life towards complexity and variability. The conception provides a clue to explaining how routine and novelty complement each other in the process of evolution and also how homeostasis and autopoiesis contribute to preserving variability of different forms of life – biological species, civilizations, cultures and personalities. Co-existence of different forms of natural selection on the basis of different adaptation criteria – moving, stabilizing and balancing – sheds some light on classical problems of differential psychology and psychophysiology, as well as on the evolutionary meaning of individual differences.

Key words: cultural and activity psychology, historical evolutionary approach, evolution, adaptation, homeostasis, autopoiesis, natural selection, variability, variation, individual differences.

Theoretical foundations of psychology of understanding of a multi-dimensional world*V.V. Znakov*

The theoretical foundations of psychology of understanding of a multi-dimensional world, arguing that the human world is made up of three realities – empirical, socio-cultural and existential – are described. Theoretical foundations of psychology of understanding are looked at as a combination of the whole and the variable. The author analyses similarities in understanding facts, events, situations in each reality, as well as differ-

ences, their psychological specificity; methods and types of understanding.

Key words: paradigmatic, narrative and thesaural ways of understanding, knowledge, opinion, sense, experience, interpretation.

Trajectories of personal development in adolescents raised in families and orphans*D.A. Leontiev, O.V. Sulimina, A.S. Bastrakova*

The paper presents findings of a study of trajectories of personal development in adolescence, which is a critical age for development of self-determination. The study discovered that adolescents in different socialization conditions display favorable and unfavorable patterns of personality development with varying characteristics of psychological well-being and of development of freedom and responsibility.

Key words: adolescence, orphans, self-regulation, self-determination, personality development, freedom, responsibility, adaptation.

Impact of information technologies on transformation of coping behaviour*V.A. Yemelin, E.I. Rasskazova, A.Sh. Tkhostov*

The paper analyzes characteristics of coping behavior connected with the use of the Internet and mobile phones, uncovering how psychological consequences of the use of technologies mediate the link between coping strategies and life satisfaction on one hand and expression of psychopathic symptoms on the other. The authors suggest four methods for transforming coping strategies in an IT society: 1) transformation of the ways they affect subjective well-being; 2) transformation of ways of their realization; 3) transformation of social expectations from coping behavior; 4) reinforcement of psychological consequences of IT use in the process of applying coping strategies on the Internet and while using mobile phones. A study conducted substantiated the hypothesis on mediation of coping strategies. The authors